

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА
8-ОГО ОЧЕРКА «МЕТАФОРА И ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС»
КНИГИ ПОЛЯ РИКЁРА
«ЖИВАЯ МЕТАФОРА» (ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В ТОМЕ 2(2) 2013)

THE PREFACE TO THE TRANSLATION
P. RICOEUR. THE RULE OF METAPHOR. STUDY 8.
METAPHOR AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE
(CONTINUATION. BEGINNING IN VOL. 2(2) 2013)

СТАНЖЕВСКИЙ ФЁДОР

Научный сотрудник Центра феноменологии и герменевтики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, 199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: stanzh@mail.ru

Во второй части восьмой главы «Живой метафоры» Рикер продолжает исследование философских импликаций метафоры. Рикер показал, что подозрение соучастия между метафизикой и метафорикой вызвано неверной трактовкой метафоры, усматривающей ее генезис в именовании, а не в дискурсе. Живая метафора есть оживляющий принцип мышления, побуждающий к тому, чтобы «мыслить больше». Само это отношение между мышлением и поэзией становится живым и динамичным процессом, основанным одновременно на согласии и на различии, на диалектике поэтического опыта принадлежности и умозрительного дистанцирования.

Ключевые слова: метафора, буквальный и фигуральный смысл, умозрительный дискурс, лексикализация, сходство, референция.

STANZHEVSKIY FEDOR

Research worker at the Centre for Phenomenology and Hermeneutics of the Institute of Philosophy at the St. Petersburg State University, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: stanzh@mail.ru

The second part of the chapter eight of the “Rule of Metaphor” deals with further philosophical implications of the metaphor. Ricoeur dissipates any suspicion of complicity between the metaphorical and metaphysical. He shows that it is due to a wrong understanding of the metaphor as embedded in nomination, while its proper place, as Ricoeur insists, is in discourse. The living metaphor is a principle animating thought and inciting it “to think more”. The very relationship between thought and poetry, between speculative and metaphorical discourses proves to be a dynamic process based on the dialectics between the poetical experience of belonging and the speculative power of distancing.

Key words: metaphor, literal and figurative, speculative discourse, lexicalization, resemblance, reference.

Восьмая глава «Живой метафоры» Поля Рикера посвящена исследованию философских предпосылок исследования языкового смысла, центральным местом воплощения которого является метафора. Рикер утверждает плюрализм различных форм дискурса: в самом деле, мы сталкиваемся с поэтическим, научным, религиозным, умозрительным дискурсом и т. д. Не постулируя абсолютной разнородности форм дискурса, наподобие языковых игр Витгенштейна, Рикер все же настаивает на автономии отдельных дискурсивных форм: лишь осознав различия между формами дискурса, мы можем выработать способы взаимодействия или же «взаимного вдохновения» (interanimation) между ними. В частности, прежде всего, Рикер постулирует разрыв между поэтическим и умозрительным дискурсом. Этот разрыв призван продемонстрировать автономию философского дискурса по отношению к дискурсу поэтическому, устранив недоразумения относительно возможности имплицитованности спекулятивной речи в метафорической речи.

Одно из таких «недоразумений», или примеров неверного истолкования отношения между поэтическим и философским началами, заключается в том, что философия будто бы всего лишь воспроизводит работу смысла поэтической речи, но уже на умозрительном уровне. Таким образом, можно было бы сказать, что философия вызвана к существованию метафорическим дискурсом, являющимся в этом смысле основополагающим по отношению к философии. В этом контексте Рикер рассматривает учение Аристотеля об аналогическом единстве различных смыслов бытия. Основываясь на проведенном Аристотелем различении между синонимами и омонимами, а также на выделении Аристотелем третьего класса именуемых вещей — паронимов, Рикер показывает автономию философского дискурса о трансцендентальной аналогии бытия по отношению к метафорическому дискурсу, приходя к выводу о существенном различии между трансцендентальным и метафорическим сходством.

Средневековый дискурс онтологической с характерной для него идеей аналогии бытия, казалось бы, приводит к максимальному сближению и даже смешению поэтического с философским. Тем не менее и здесь Рикеру удается отделить друг от друга аналогический и метафорический аспекты онтологической, а вместе с тем показать, как эти два аспекта пересекаются между собой в мысли Фомы Аквинского.

Другой тип взаимоотношений между философской и поэтической речью зарождается вместе с генеалогическим подходом Ницше, согласно которому метафора и философия разделяют определенные скрытые допущения, причем философия теперь предворяет метафору, а не наоборот. Эта идея получает свое развитие в мысли М. Хайдеггера, который утверждает, что метафорическое существует лишь в пределах метафизики. Таким образом, по Хайдеггеру, метафора является неотъемлемой частью западной метафизической традиции. Хайдеггер подвергает критике философские метафоры, например, когда чув-

ственный слух и чувственное зрение переносятся в область не-чувственной способности слышать, т. е. мышления. Здесь утверждается эквивалентность двух переносов: характерного для западной метафизики дуалистического переноса с чувственное на не-чувственное, а также метафорического переноса собственного на фигуральное: метафизический дуализм «видимое – невидимое» здесь вполне соответствует метафорической оппозиции «собственное – фигуральное». В контексте столь серьезной атаки на метафору Рикер призывает различать «метафизическую» метафору и подлинную метафору, столь часто и плодотворно используемую самим Хайдеггером. Необходимо отделить живую метафору, восходящую к самим истокам речи и вместе с тем проявляющую мир, от мертвой метафоры. Если акцентировать соучастие между метафизикой и метафорикой, то можно прийти к выводу о том, что именно в мертвой, изношенной метафоре ее метафоричность действует подспудно, без нашего ведома, оставаясь невысказанной: здесь действительно имеет место взаимодействие между невысказанной метафизикой и изношенной метафорой. Для иллюстрации такого взаимодействия Рикер обращается к текстам Жака Деррида, который полагает, что изношенная метафора скрывается в важнейших философских понятиях, причем единство метафизической традиции обеспечивается рядом господствующих метафор. Со своей стороны, Рикер показывает, что переоценка значимости мертвой метафоры для нашей интеллектуальной традиции, а также преувеличение плодотворности изношенной метафоры связаны с неверной семиотической концепцией, акцентирующей именование — в этой концепции слова сами по себе обладают исконным, первичным, естественным для себя смыслом. В действительности для обоснования различия между буквальным и фигуральным нет нужды в метафизике собственного: это различие определяется употреблением в дискурсе и диалектикой уместности и неуместности метафорического смысла, а не престижем первичного и первоначального по отношению к фигуральному. Семантика показывает, что мертвые метафоры — это лексикализованные метафоры, которые тем не менее могут быть вновь оживлены, возвращены к жизни в процессе делексикализации (пример оживления мертвой метафоры предоставляет сам Хайдеггер, который слышит «не-скрытость» в *a-letheia*, порождая тем самым новый смысл уже привычного слова).

Далее Рикер стремится показать всю сложность отношений между философской и поэтической речью: с одной стороны, умозрительное продолжает семантическую направленность поэтического, но лишь ценой преобразования, переноса в другое пространство смысла — ценой разрыва, знаменующего неустранимое различие между этими двумя областями дискурса. Метафорическое высказывание с его динамическим видением реальности обладает имплицитной онтологией. Однако переход к эксплицитной онтологии, к референции требует перехода к понятию как радикально иному по отношению к метафорическому «открытию образов». Область тождественного отличается от области схожего: понятийное схватывание несводимо к простой замести-

тельной функции образа-представления, а *intellectio* и *imaginatio* представляют собой разные уровни и порядки дискурса. Вместе с тем весь универсум дискурса приводится в движение игрой притяжений и отталкиваний, порождающих взаимодействие и пересечение между различными областями дискурса. Интерпретация как работа понятия может угрожать уничтожением метафорическому дискурсу (рационализирующие интерпретации), но она может и включить в себя метафорическую высказанность опыта, действуя на пересечении умозрительного и метафорического, сохраняя как ясность понятия, так и динамику значения, которую понятие останавливает и фиксирует. Метафора есть оживляющий принцип мышления, стимулирующий к тому, чтобы «мыслить больше».

Референция поэтического дискурса — это референция второго порядка по отношению к референции объектного дискурса, это направленность не на объекты, но на до-объектный мир, в котором мы оказываемся с момента рождения и в который проецируем наши наиболее собственные возможности; в ней высказывается сама наша принадлежность к миру. Именно в умозрительном дискурсе артикулируется последний смысл референции поэтического дискурса. Связь между ними не одномерна: так, в философских текстах позднего Хайдеггера поэтическое произведение не служит лишь украшением философскому афоризму, а тот не является лишь философским переводом поэзии: поэтическое произведение и философский афоризм находятся в резонирующем согласии, и это согласие парадоксальным образом сохраняет их различие: Рикер говорит здесь об ответе со стороны поэта на силу воображения мыслящей поэзии умозрительной силой поэтизирующей мысли. Речь идет о диалектике опыта принадлежности, заключенного в поэзии, и способности к дистанцированию умозрительного дискурса. Завершим это вступление цитатой из Хайдеггера: «Между мышлением и поэзией царит сокровенное родство, ибо они, будучи на службе у языка, ходатайствуют за него и бескорыстно расходуют себя. В то же время, однако, между ними зияет бездна, ибо они «обитают на отдаленнейших вершинах»».